Восточная панорама

Актуальный бюллетень Лаборатории востоковедения

ШАГИ РАНХиГС

№3 (июль–сентябрь 2017)

Содержание

От редакции 2
А. С. Гриева. Охота за древними письменами 3
М. А. Алонцев. От тайных собраний к массовым шествиям: традиция почитания имама Хусейна в Иране 7
С. А. Родин. Прошлое и будущее, вырезанное из снега: история Снежного фестиваля в Саппоро 12

От редакции

Во третьем номере ежеквартального Бюллетеня лаборатории востоковедения ШАГИ РАНХиГС мы представляем вниманию читателей новые материалы, посвященные анализу актуальных событий в странах Востока с точки зрения истории культур этого региона.

Статья А.С. Гриевой посвящена общественному интересу, который вызывает в современном Китае расшифровка древней письменности, которой записаны гадательные надписи на костяных артефактах.

М.А. Алонцев в своем материале рассказывает об истории ритуальной церемонии Ашура, которая возводит свое начало к гибели имама Хусейна в VII веке.

С.А. Родин знакомит читателя с историей *юки мацури* – знаменитого снежного фестиваля в Японии, и рассказывает о современных тенденциях в его празднования.

А.С. Гриева
научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

Охота за древними письменами

В июле этого года Национальный музей китайской письменности в г. Аньян, пров. Хэнань, заявил об учреждении премии в 100,000 юаней (чуть больше $15.000 США) за каждый новый расшифрованный знак древнейших китайских письмен *цзягувэнь* (甲骨文). «Разгадай древнюю китайскую загадку с костями и получи в награду большую сумку, набитую деньгами» – под таким заголовком новость была опубликована 23.07.2017 г. в газете *South China Morning Post*.

Один из образцов цзягувэнь

Цзягувэнь (甲骨文, букв. «письмена на панцирях и костях»), они же «гадательные надписи» или *oracle bone inscriptions* (англ.), датируются XIV–XI вв. до н.э. (вторая половина эпохи Шан) и являются на сегодняшний день самыми древними образцами китайской иероглифической письменности, а также древнейшим письмом во всем азиатском регионе. Благодаря тому, что использовавшиеся для записей черепашьи панцири и лопатки крупного рогатого скота практически не подвержены гниению, мы сейчас имеем возможность своими глазами увидеть тексты трехтысячелетней давности.

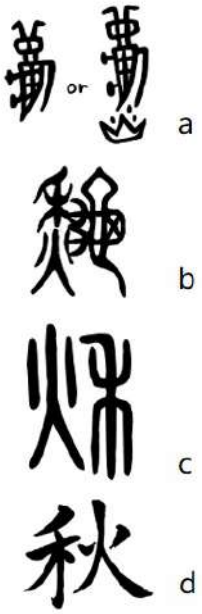
Считается, что первые *цзягувэнь* находили еще при Суй и Тан (VI–X вв. н.э.), но уже тогда люди, обнаружившие их, были не в состоянии узнать в них собственную древнюю письменность и тем более расшифровать написанное, поэтому их просто выкидывали за ненадобностью. Позже, в XIX в., деревня Сяотунь близ Аньяна – район их массового захоронения и, как выяснилось впоследствии, древняя столица государства Шан, – пострадала при наводнении, и когда вода сошла, местные жители увидели множество фрагментов костей неустановленного генеза. Люди с предприни-

мательской жилкой быстро сориентировались в этой ситуации, и вскоре китайский фармацевтический рынок заполонили так называемые «кости дракона» (龍骨), которые пользовались репутацией чудесного лекарства, исцеляющего множество болезней, будучи растертыми в порошок и добавленными к обычным лекарственным смесям. На некоторых из них обнаруживались неизвестные знаки, что только способствовало мистическому ореолу этих костей. Поворотным моментом в истории явилась болезнь известного ученого и политика Ван Ижуна (1845-1900), любителя и коллекционера древней китайской бронзы, который в 1899 году заболел малярией и на своем «лекарстве» внезапно опознал знаки, по виду очень близкие к тем, что видел на своей бронзе. Разгадать он их тоже не мог, но было очевидно, что находка имеет большое историческое значение. Он умер через год, так и не узнав, откуда они, но работа по их поиску и изучению уже была запущена. В последующие десятилетия, немотря на все усилия предпринимателей, торговля «драконьими костями» была свернута и для китайских ученых наступила эра археологических раскопок, которые ранее не практиковались в Китае (как пишет об этом профессор Университета Индианы (США) и специалист по раннекитайской истории Роберт Эно, «сама мысль о том, чтобы что-то систематически выкапывать из земли с целью получения ценной информации о прошлом, была для Китая несвойственной»).

Эти раскопки принесли десятки тысяч хорошо сохранившихся костей. Благодаря трудам расшифровщиков ныне известно, что надписи *цзягувэнь* носят ритуальный характер и повествуют о гаданиях, предшествовавших различным важным событиям шанского государства. Придворный гадатель в присутствии императора задавал вопросы о грядущем военном походе, об урожае и дожде, о рождении детей, болезнях и т.д., и по итогам возвращался с записью реального исхода событий.

Важной особенностью *цзягувэнь* является то, что они представляют собой уже не отдельные знаки и не древний язык в стадии своего зарождения, а полностью сложившуюся систему письма, возникшую, по некоторым подсчетам, за несколько веков до этого. Современный китайский со всеми своими диалектами является прямым потомком языка этих гадательных надписей. Уже в конце 2 тыс. до н.э. этот язык обладал всем основным графическим инструментарием современного китайского языка – в нем распознаны пиктограммы (знаки-картинки), составные идеограммы (несколько пиктограмм в одном знаке), фоноидеограммы (знаки с фонетической и графической составляющей), а также фонетические заимствования (знаки, в которых графическая составляющая не несет смысловой нагрузки). Вместе с тем, львиная доля знаков остается неопознанной. На примерно ста тысячах образцов *цзягувэнь*, обнаруженных на сегодняшний день, выявлено порядка 5000 уникальных знаков, успешно расшифрована из которых всего треть. Таким образом, запрос Национального музея письменности в Аньяне по сей день чрезвычайно актуален.

Но раз это по большому счету один и тот же язык, то почему до сих пор было расшифровано так мало? Несмотря на то, что язык гадательных надписей к тому моменту был уже хорошо развит, иероглифическое письмо еще не было стандартизировано (первые попытки унификации начались спустя почти тысячу лет после *цзягувэнь*). Знаки могли быть написаны зеркально, к ним могли добавляться другие элементы, что не всегда было связано с изменением значения. К тому же, в процесс эволюции не всем элементам удалось сохранить, хотя бы концептуально, свой первона-



чальный облик – ярчайшим примером такой удивительной метаморфозы является иероглиф «осень» (秋), в современном варианте состоящий из ключей «злак» (禾) и «огонь» (火), а в исходном варианте изображавший некое насекомоподобное существо с усиками – то ли сверчка, то ли саранчу, иногда с дополнительным элементом «огонь» под ним (см. изображение *a*). Затем к нему действительно добавились «злак» (см. *b* слева вверху) и «огонь» (см. *b* слева внизу), а изображение насекомого спонтанно сменилось изображением черепахи (см. *b* справа). Затем отпала и черепаха, и знак стал устойчиво писаться как сочетание «злака» и «огня» (см. *c* – рубеж новой эры, *d* – современное написание), что сделало практически невозможным опознание современного знака в его исходном варианте.

Еще одной причиной сложностей в расшифровке *цзягувэнь* является естественная для каждого языка замена старых слов на новые (ср. старое «око» и совр. «глаз»). Можно предположить, что речь не столько о том, что *цзягувэнь* содержат огромное количество неизвестных слов, сколько о том, что между некоторым количеством нерасшифрованных знаков и их современными аналогами до сих пор не представлялось возможным провести убедительные параллели.

Предложение аньянского музея выглядит соблазнительно даже для непрофессиональных любителей языка и древности, однако предложить свой вариант расшифровки смогут далеко не все желающие. По установленным музеем правилам, каждая версия должна быть подтверждена и одобрена как минимум двумя признанными специалистами в этой области, – такая мера логична и служит сдерживающим фактором для людей, которые склонны преследовать личную выгоду в ущерб исторической достоверности. Вместе с этим, с научной точки зрения сама постановка вопроса как «вознаграждение за каждый разгаданный знак» не всегда может считаться валидной, поскольку китайский текст как раньше, так и сейчас существует в тесной взаимосвязи своих элементов и интерпретация его должна носить системный характер,

Образцы цзягувэнь с хорошей прорисовкой знаков

что в ряде случаев может помешать выявлению единственно верной трактовки знака. Что принесет науке эта инициатива – покажет время, однако можно надеяться, что само ее появление подогреет интерес общества к богатой истории и археологии китайского языка.

На рубеже XIX и XX вв. в китайском образованном обществе назревал кризис, который можно назвать кризисом веры: традиционная историография заявляет преемственность правящих династий Китая начиная с полумифической династии Ся (XXI–XVIII вв. до н.э.), за которой следовали Шан (XVII–XI вв. до н.э.) и Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). И если от периода Чжоу сохранилось достаточное количество ритуальных бронзовых сосудов и других артефактов, то существование Шан, а, следовательно, и китайской государственности в тот период оставалось под большим вопросом. Обнаружение гадательных надписей повлекло за собой целую волну археологических находок – императорских гробниц, руин древней столицы, множества артефактов, которые пролили свет на общественную и ритуальную жизнь того времени и убедительно доказали не только существование Шан, но и наличие при нем мощного института государственной власти. История китайского языка навсегда изменила свой облик и существенно увеличила свой возраст. Таким образом, гадательные надписи *цзягувэнь* стали настоящей сенсацией в научном сообществе, и спустя сто лет после своего обнаружения и три тысячи лет после своего существования все еще хранят в себе множество неразгаданных тайн.

Литература по теме

- Crack China's ancient riddle bones and bag big cash rewards // http://www.scmp.com/news/china/article/2103743/crack-chinas-ancient-riddle-bones-and-bag-big-cash-rewards / South China Morning Post, 23.07.2017

- Крюков М.В., Хуан Шу-Ин. Древне-китайский язык. М., 1978.
- Boltz, William G. The origin and early development of the Chinese writing system. American Oriental Series, vol. 78. American Oriental Society, New Haven, Connecticut, USA. 1994.
- Eno, Robert. The discovery of the Shang dynasty. Indiana University, 2010.

М.А. Алонцев
научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС

От тайных собраний к массовым шествиям: традиция почитания имама Хусейна в Иране

1 октября в Иране прошли религиозные процессии, приуроченные ко дню Ашуры (араб. ʻĀšūra) и посвященные гибели третьего шиитского имама Хусейна (626–680) и его сподвижников под Кербелой (город в современном Ираке). Вокруг событий, связанных с этим днем, сложился целый комплекс ритуальных практик, ставший неотъемлемой частью жизни иранцев. Нобелевский лауреат Элиас Канетти в своей книге «Масса и власть» чрезвычайно точно описывает значение этих ритуалов для шиитов: «В эмоциональном плане личность и судьба Хусейна являются центральными для веры, так как представляют собой источник религиозного опыта верующего. Его смерть интерпретируется как добровольное принесение себя в жертву; испытывая его страдания, святые попадают в Рай».

Смерть Хусейна и развернувшиеся вокруг нее события стали по-настоящему определяющими для ранней истории ислама – она не только повиляла на путь дальнейшего развития институтов мусульманской государственности, но и обозначила одну из «точек невозврата» в конфликте внутри мусульманской общине, впоследствии выразившимся в разделении на суннитов и шиитов. После смерти пророка Мухаммада, политического вождя, духовного лидера и непререкаемого авторитета для всей общины «правоверных», среди мусульман обсуждался вопрос о наследовании

Траурное шествие на Ашуру возле усыпальницы Хусейна в Кербеле

ему. Часть представителей общины утверждала, что единственным правомочным наследником пророка является ближайший родственник-мужчина – его двоюродный брат и зять Али. Позднее они получили название «шииты» (от араб. šīʻat ʻAlī, «группа Али»). Победили в этом споре их противники, утверждавшие, что власть над мусульманской общиной не обязательно должна сохраняться в роду Мухаммада. В результате руководителем мусульман стал один из ближайших сподвижников пророка Абу Бакр, чьим правлением открывается эпоха т.н. «праведных халифов» (от араб. xalīfa, «наследник»).

Это решение не погасило конфликт: он только разрастался при наследниках Абу Бакра – Умаре и Усмане. Последний был заколот в собственном доме, в который после долгой осады ворвались недовольные мусульмане, в том числе желавшие видеть на посту руководителя общины Али. Он стал четвертым и последним «праведным халифом», однако это событие лишь обнажило противоречия, существовавшие среди мусульман, и привело к полномасштабной гражданской войне. Противники Али, среди которых было много влиятельных мусульман, а также жена пророка Мухаммада Аиша, сконцентрировались вокруг жаждавшего мести Муавии, родственника Усмана. Сами они называли себя «люди сунны и согласия» (араб. ahl as-sunna wa-l-jamāʻ, отсюда пошло наименование «сунниты»). В ходе противостояния единоверцев, известного в мусульманской историографии как «Первая смута», произошло несколько кровопролитных сражений, однако его исход решился не на поле битвы. Глава одной из сторон, Али, был заколот в мечети бывшим союзником, а Муавия, уже имевший к тому моменту значительное преимущество, в отсутствие соперника был провозглашен халифом и основал династию Омейядов. Легитимность Муавии в глазах мусульман была упрочена тем, что Хасан, старший сын Али, присягнул ему на верность и отказался от притязаний на престол.

Декламирование рассказов о Хусейне. Современный Иран

Однако далеко не все мусульмане были согласны с таким развитием событий. Выразителем их интересов стал Хусейн, второй сын Али, вокруг которого стали собираться сторонники его отца и несогласные с воцарением Омейядов. Он получил письмо из города Куфа (современный Ирак) с просьбой от жителей придти к ним и возглавить борьбу против узурпаторов власти. Хусейн отправился в путь с небольшим отрядом, а также в сопровождении женщин и детей, однако ему не удалось добраться до пункта назначения. У местечка Кербела в Ираке его настигло войско из 4000 человек, посланное омейядским халифом Язидом I. Долгие переговоры не принесли результатов – оставшиеся без воды и пропитания сторонники Хусейна приняли бой и были убиты, а женщины и дети взяты в плен.

Один из атрибутов траурного шествия

Эти события произошли в начале месяца Мухаррам по мусульманскому лунному календарю, а само сражение, обернувшееся полным уничтожением сторонников Хусейна, произошло на десятый день (араб. ʻĀšūra). Это событие вызвало большой резонанс в Халифате. Как сообщает арабский историк Йакуби (важно отметить, что сам он был шиитом), жители Куфы в знак раскаяния о своем предательстве начали плакать и бить себя в грудь, когда увидели пленников (сейчас это один из важнейших ритуалов траурных процессий). Культовые мероприятия, связанные с Ашурой, начинают складываться вокруг Зайн ал-Абидина, сына Хусейна. Уцелевший в кровопролитном сражении по причине юности и нездоровья, он отстранился от политической жизни и обосновался в Медине, где вел благочестивый образ жизни. Вероятно, это оказало влияние на сам характер ранних «собраний скорби» (араб. maǰ ālis at-taʻ zīa), которые изначально проходили в домах шиитских имамов (потомков Али) и не имели публичного характера.

Если во времена правления Омейядов собрания по случаю Ашуры проводились тайно, то пришедшие к власти в 750 г. на фоне роста прошиитских настроений Аббасиды, сделали эти мероприятия публичными и поддерживали их на официальном уровне. А в 963 г. под патронажем правителя из династии Буидов, не скрывавших своей приверженности к шиизму, Ашура была официально объявлена в Багдаде днем скорби. Как общается в источниках, все рынки города были закрыты, лавки затянуты черными покрывалами, а по улицам прошли многочисленные траурные процессии. В крупнейших городах Халифата были сооружены специальные помещения для собраний, на которых чтецы декламировали «истории о мучениках», повествующие в деталях о смерти Хусейна и его сподвижников.

Новый виток распространения ритуалов Ашуры связан с возникновением на территории Ирана Сефевидского государства, основатель которого Исмаил I (1487–1524) был главой шиитского ордена Сафавийя. Именно тогда шиизм утвердился в стране в качестве официального вероисповедания, а траурные процессии, получив поддержку со стороны властей, стали регулярными, массовыми и более помпезными. Их участники облачались в костюмы, имитирующие одежды Хусейна и его сторонников, а также разыгрывали сцены на основе событий в Кербеле. Отождествление происходящего с трагическими событиями при Кербеле приобретало и более радикальные формы. Помимо традиционных биения в грудь или заковывания в цепи (подобно выжившим в битве пленникам), многие подвергали себя добровольному самобичеванию. Разумеется, такие сцены привлекали внимание европейских путешественников, паломников и торговцев, отражавших свои впечатления в травелогах. Российский купец Федот Котов, побывав на такой церемонии в сефевидской столице Исфахане, оставил в своем дневнике следующую запись: «А в самои празник ходят по маидану и по улицам и носят гробы, поволочены бархатом, и украшены медью и оловом. А перед теми гробы на верблюдех ездят робята наги, а седят головою к хвосту да вопят ксень (Хусейн – *М.А.*)».

В середине XVIII в. появляется еще один важный элемент траурных церемоний: декламация «историй о мучениках» с одной стороны и возникновение небольших театрализованных постановок с другой дали начало особому действу, которое можно сравнить с христианскими мистериями. В ходе представления, получившего название «Тазийе», воспроизводятся эпизоды из жизни Хусейна и его сподвижников. Само представление наполнено различными символами: например, Хусейн и его сторонники облачены в зеленое и произносят свои реплики в стихах, а их противники носят красные одежды и говорят прозой. «Тазийе» проводится как на городских площадях, так и в специально устроенных для этого помещениях со сценой, а сейчас для этой цели используются и театральные площадки.

В шиитской богословской литературе события в Кербеле приобрели вселенский статус, а мученическая смерть Хусейна стала центральным эпизодом всей истории

«Тазийе» в Тегеране

человечества. В агиографических сочинениях сообщается, что сам он знал о своей грядущей судьбе и сознательно принес себя в жертву на Божьем пути. Люди, участвующие в траурных церемониях и оплакивающие участь Хусейна, противопоставляются его врагам, причинявшим ему страдания. В конце концов, на Страшном суде эти страдания будут искуплены, а притеснителей и узурпаторов настигнет кара.

Литература по теме

- Muslims mark Ashura with mourning ceremonies // http://www.presstv.ir/Detail/2017/10/01/537063/Islam-Shias-Ashura-Imam-Hussein-Iran-Karbala /

- Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1966.
- Бертельс Е. Персидский театр. Избранные труды. Том 5. М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988.
- P. Chelkowski, ed., Ta'ziyeh: Ritual and Drama in Iran, New York, 1979.

С.А. Родин
научный сотрудник Лаборатории востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС, канд. ист. н.

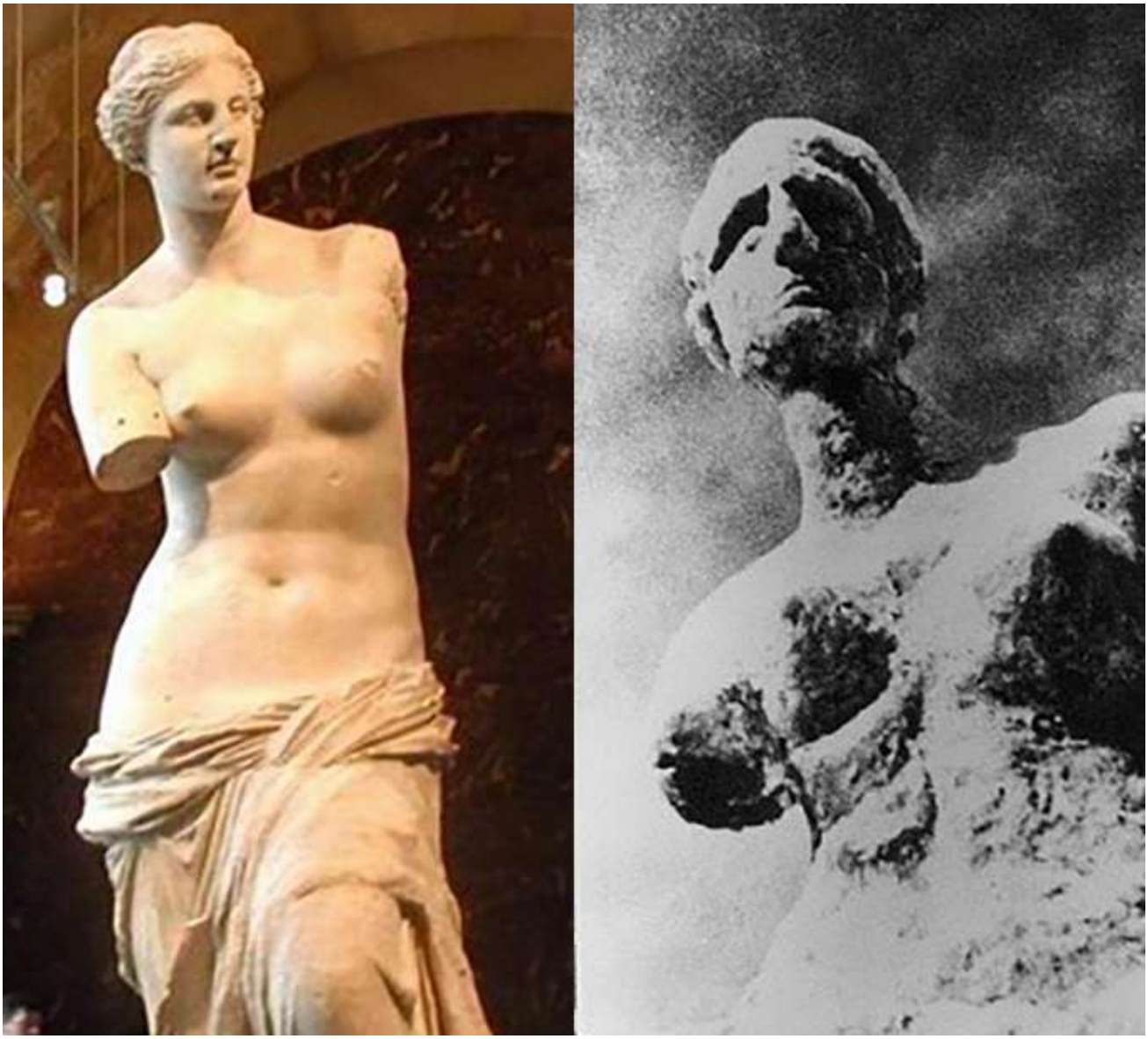
Прошлое и будущее, вырезанное из снега: история Снежного фестиваля в Саппоро

Среди многочисленных ассоциаций, которые возникают как у людей, интересующихся Востоком, так и у тех, кто имеет о нем только общие преставления, снег точно не будет первым, что нарисует воображение при упоминании Японии. «Страна восходящего Солнца» - это все еще экзотика, традиции, технологии и развлечения, суши, самураи гейши, и в самую последнюю очередь «снежная страна». Но каждую зиму уже почти 70 лет в городе Саппоро на острове Хоккайдо проводится Снежный фестиваль (札幌雪まつり), начинавшийся как школьная инициатива и превратившийся в одну из визитных карточек страны, заставляющих взглянуть на нее по-новому.

Первый фестиваль снежных скульптур в Саппоро состоялся в 1950 году. На нем было представлено 6 работ, выполненных силами учеников местной средней школы. 67 лет спустя 83-х летний Хирага Акира, один из школьников, принимавших участие в этом событии, в интервью на одной из японских радиостанций рассказал, что с большим интересом отреагировал на предложение учителей украсить несколько унылый и обезлюдевший в послевоенное время парк Одори[1]. Останавливало отсутствие знаний о том, как создавать из снега массивные скульптуры. Проблемы были и с выбором объекта. За наглядными пособиями обратились в класс изобразительных искусств. В конце концов, решили остановиться на Венере Милосской. Школьники и учителя соорудили фанерный постамент, на который своими силами водрузили снежные глыбы, и приступили к работе. Ни специальных инструментов, ни теплых перчаток не было. Скульптуры вырезали чем придется, облаченные в матерчатые рабочие

Бурый медведь, 1950

[1] Расшифровка интервью: http://www.1242.com/lf/articles/35566/?cat=life&feat=goodstory



Венера Милосская, 1950

рукавицы. Руки сильно мерзли. По словам Хирага Акира, больше всего согревали помощь со стороны старших товарищей и мысль, что этим действием он оказывает поддержку искусству города Саппоро. Работа была выполнена за неделю. Организаторы не ожидали сильного ажиотажа по поводу фестиваля, но за день более 50 тысяч жителей Саппоро пришли полюбоваться на старания школьников, что заставило задуматься о том, чтобы устроить подобное мероприятие и в следующем году.

Если в самом начале основной задачей фестиваля было поднять настроение горожанам, переживавшим нелегкие времена, то довольно скоро *Саппоро юки мацури* из терапевтического и рекреационного действа вырастет до масштабов события, имеющего социальный и гуманистический посыл, направленный не только в адрес японцев, но и мировому сообществу. Процесс этой трансформации можно проследить по нескольким факторам, таким, как изображения на официальных плакатах, специфика скульптурных объектов и причины их выбора, состав участников.

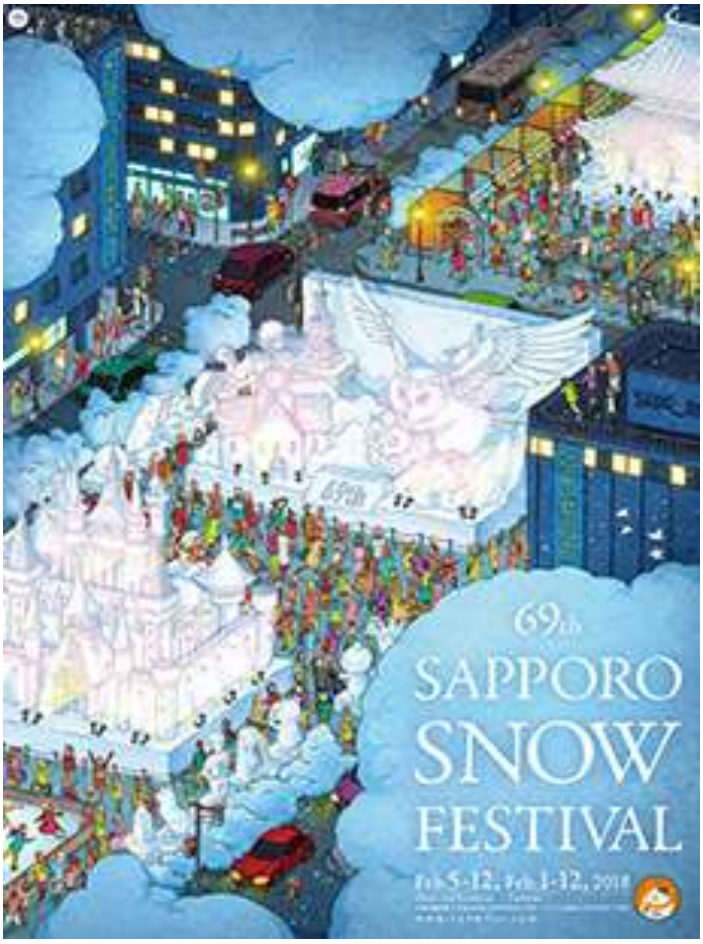
Плакат первого Снежного фестиваля в Саппоро, 1950

Символика изображений на официальных плакатах фестиваля, в целом довольно простая и выполненная в единой стилистике, в отдельные годы наряду с рисунками снеговиков или снежных скульптур может дополняться культурно значимыми объектами, шедеврами архитектуры, образами единения и мира[2]. Большинство антропоморфных объектов – снеговиков и плюшевых медведей – изображено улыбающимися. Несколько выбиваются из общего ряда плакаты второй половины 60-х – начала 70-х годов, в оформлении которых использованы фотографии, а не рисунки. Изменение оформления, репрезентации мероприятия связано с расширением потенциальной аудитории, а также принципиальными задачами, стоявшими перед организаторами – показать мирную Японию, готовую вернуться в международное сообщество на новых основаниях, при этом сохранив собственную культурную идентичность. Возвращение было ярким и растянулось почти на десятилетие. В 1964 году Токио стал столицей летних Олимпийских игр, которые впервые проводились в Азии. В 1970 году Осака была хозяйкой международной выставки Экспо-70, а двумя годами позже взгляды мировой общественности были прикованы к Саппоро, где прошли XI зимние Олимпийские игры. Одним из главных украшений города и популярным туристическим объектом стал Снежный фестиваль, чьим слоганом было выбрано приветствие «Добро пожаловать в Саппоро». О масштабном мероприятии написали многие мировые издания. С 1974 года в рамках фестиваля начал проводиться международный конкурс на лучшую скульптуру из снега.

В настоящее время организаторы обращаются уже не к мировому сообществу, а формируют привлекательный для зимнего туризма образ Японии. 5 июля 2017 года был обнародован плакат 69-го Снежного фестиваля, который пройдет в Саппоро с 1 по 12 февраля 2018 года. Сопроводительная записка к нему гласит: «Мы выбрали такое оформление плаката, которое позволит даже иностранцам, не знакомым с *Саппоро юки мацури*, с первого взгляда понять, на каких площадках будет проходить мероприятие, какого рода объекты будут представлены, а также какая атмосфера будет царить вокруг. Изобразив в мельчайших подробностях фестиваль, мы стремились передать его очарование»[3].

---

[2] Архив плакатов на официальном сайте фестиваля: http://www.snowfes.com/about/history_poster.html
[3] http://www.snowfes.com/index.html



Плакат 69-го Снежного фестиваля в Саппоро, 2017

Среди объектов, в разное время представленных на фестивале, были масштабные скульптуры признанных шедевров мировой архитектуры, дворцов, музеев, реплики известных произведений искусства, но главное внимание уделяется японским образам. Если в 1950 году выбор объектов (скульптуры животных и Венера Милосская) был обусловлен случайными факторами, то впоследствии темы для творчества выбирались целенаправленно и не только демонстрировали умелую технику мастеров, но и отражали мировые тенденции, несли гуманистический посыл, а в иных случаях служили временным памятником значимому событию, предмету или человеку.

Фестиваль проводится в первой декаде февраля, и анализ представленных скульптур позволяет, с одной стороны, понять, какие события стали для Японии олицетворением года прошедшего, а с другой – предположить, какие ожидания японское общество связывает с годом будущим. Это и новостной дайджест, где вместо страниц используются парки, стадионы и площади Саппоро, а вместо печатных символов и фотографий – фигуры из снега и льда, и своеобразный гороскоп, конструирующий образы чаемого. На последнем на данный момент фестивале, проходившем с 1 по 12 февраля 2017 года на нескольких площадках центрального города Хоккайдо, было представлено более 650 объектов. Среди них пользовались повышенным вниманием публики как скульптуры, связанные с мировыми событиями, так и с традиционными японскими образами. Как пишет А.Н. Мещеряков в статье про Экспо-70: «Примирение прогресса с традицией, прошлого с настоящим осознавалось как задача первостепенной значимости»[4]. Судя по представленным на фестивале скульптурам, эта задача не утрачивает актуальности и в настоящее время.

[4] Мещеряков А.Н. Всемирная выставка 1970 года в Осаке: между прошлым и будущим // История и культура традиционной Японии 10. СПб.: Гиперион, 2017. С. 349.

Пикотаро, 2017

Если расценивать *Саппоро юки мацури* как выставку японских достижений за минувший год, а на то есть все основания, то совершенно неудивителен интерес посетителей к скульптуре, изображающей комика Косака Кадзухито, более известного по сценическому псевдониму Пикотаро. В конце лета 2016 года он опубликовал видеозапись на шуточную песню под названием «Pen-Pineapple-Apple-Pen», которая мгновенно приобрела характер вирусного видео, послужила поводом для лавины пародий и стала одним из наиболее ярких мемов 2016 года, связанных с Японией в массовом сознании. Среди международных событий наибольший интерес вызвали результаты президентских выборов в США. Скульптура президента Трампа, выполненная в пародийной манере, изображающая его в образе комика Пикотаро, с ручкой, воткнутой в яблоко в руках, стала предметом обсуждения во многих СМИ. Показательно, что вместо улыбки, красующейся на лице комика, мы видим разинутый рот что-то агрессивно выкрикивающего президента. И само выражение лица, и несколько гротескно вырезанные черты облика сближают образ Трампа со средневековыми театральными масками демонов. С одной стороны, все это вполне вписывается в традицию смеховой и пародийной культуры, с другой – свидетельствует о переживаниях в японском обществе, вызванных неясностью нового вектора развития отношений между США и Японией при новой власти.

Президент США Д. Трамп, 2017

Гигантская скульптурная композиция, изображающая персонажей видеоигры Final Fantasy VII, Клауда Страйфа и Сефироса, была возведена в честь двадцатилетия с момента ее выхода. Япония давно закрепила за собой имидж передовой страны в области виртуальных развлечений, но серия Final Fantasy стоит особняком даже среди прочих достижений японских компаний в области разработки видеоигр. Седьмая игра серии, выпущенная компанией Squaresoft в 1997 году, привлекла огромный интерес геймеров со всего мира к жанру JRPG, японских ролевых игр, и изменила отношение к игровому процессу, многократно повысив планку требований не только к развлекательности и технической составляющей, но и сюжету в таком, казалось бы,

совершенно несерьезном аудиовизуальном интерактивном продукте. В этом году серия отмечает свое тридцатилетие, и среди запланированных по этому поводу мероприятий был анонсирован также готовящийся ремейк культовой японской игры, герои которой запечатлены в скульптуре.

Final Fantasy VII

Однако ни Трамп, ни мемы, ни видеоигры не идут в сравнение с масштабностью скульптурного изображения центрального Золотого павильона храма Кофукудзи. Основание храма связано с историей древнего рода Фудзивара, его постройка датируется началом VIII века. За 1300 лет он неоднократно страдал от пожаров и подлежал восстановлению. В последний раз главный элемент храмового архитектурного ансамбля, Золотой павильон, восстанавливали еще в 1819 году, но за это время древесина успела прогнить, кровля прохудилась, и в 2000 году было принято решение демонтировать постройку и перенести все предметы культа, включая изображения и статуи почитаемых существ, в другие места. Работы по реконструкции Кофукудзи начались лишь в 2016 году. Планируется, что он будет полностью перестроен к 2018 году. Создание гигантской скульптуры павильона заняло около месяца. К работе над ней привлекли 3800 сотрудников Сухопутных сил самообороны Японии. Каждый вечер посетители фестиваля могли наблюдать зрелищное представление, во время которого с помощью световой проекции снежная скульптура «оживала», передавая облик будущего здания в деталях.

Кофукудзи

Успеют ли восстановить центральный Золотой павильон храма Кофукудзи в срок? Выйдет ли ремейк Final Fantasy VII? Продолжит ли Трамп пугать японцев? Вспомнят ли о Пикотаро снова, или его популярность растает, как снег, из которого была выполнена его скульптура? Объекты, представленные на фестивале, позволяют задаться множеством вопросов, но одно ясно – в начале февраля в Саппоро снова встретятся история и современ-

ность, прошлое и будущее, воспоминания и ожидания, воплощенные в фигурах из снега и льда.

Литература по теме

- Тоттори: дзюитигацу-но хадзимэ садзо сэнсюкэн, кокай сэйсаку я самитто // http://www.asahi.com/articles/ASK773PQGK77PUUB004.html

- Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М., 1990.
- Linhart, Sepp, Frühstück, Sabine. The culture of Japan as seen through its leisure. NY, 1998.
- Schumann, Fred R. Changing Trends in Japan's Employment and Leisure Activities: Implications for Tourism Marketing. Singapore, 2017.
- Официальный сайт мероприятия (2017/7/5) http://www.snowfes.com/

Лаборатория востоковедения и компаративистики приглашает посетить конференцию:

Классические тексты Востока:
от традиционных интерпретаций к современным методам изучения

13 октября 2017 года, 12:00
Пречистенская набережная, д. 11 к. 2, ауд. 210

Программа

Дневное заседание 12:00 – 14:45

Г. С. Старостин
Герменевтика древнего иероглифического текста: о старых и новых проблемах интерпретации древнекитайской поэзии

Л. С. Холкина, Л. О. Наний
Словарь древнекитайского языка нового поколения, на материале «Синь Юй»

С. А. Родин
Описание нравов людей различных провинций в тексте «Дзинкокуки»: ценностный подход

Н. Н. Трубникова
Японские рассказы сэцува на пересечении религиозной и светской традиций

А. Б. Старостина
Проблема имени мифологического персонажа в средневековой китайской литературе

Перерыв 14:45 – 15:30

Вечернее заседание 15:30 – 18:00

Н. Ю. Чалисова
Власть земная и власть небесная: отношения святого и правителя в суфийском житийном нарративе

М. А. Алонцев
«Обладатели счастья» vs «Чужие и непосвященные»: о системе персонажей суфийского жития

Л. Г. Лахути
Разговоры царей земных с «друзьями Божиими» в рассказах Аттара

Е. Л. Никитенко
Элементы житийного нарратива в биографии политического деятеля в Иране: воспоминания шаха Тахмаспа I Сефевида

Редакторы: Г.С. Старостин, О.И. Лебедева
vostlab.bulletin@gmail.com

Лаборатория востоковедения и компаративистики ШАГИ РАНХиГС
shagi.ranepa.ru/lab/vostokovedenie